

положенное у подножія горъ Хатун-хаирханъ, круто поднимающихся нѣсколькими сближенными вершинами среди равнины. По пути попадались намъ группы деревьевъ, здѣсь-же ихъ нѣтъ, только тамариковые кусты достигаютъ значительныхъ размѣровъ.

Немного не доходя до Хоя, мы пересѣкли сухое русло рѣчки Саксай-голь, текущей изъ подъ горъ Бага-Таинъ, гдѣ, въ ущельи, она сливается съ рѣчкой Тугурюк-голь; какъ всѣ здѣшнія рѣчки, она пропадаетъ въ пустынь недалеко отъ выхода изъ горъ, вблизи же урочища Хоя сухое русло разбивается на нѣсколько мелкихъ рукавовъ.

Здѣсь, наконецъ, намъ удалось получить свѣдѣнія о Цайдамѣ, которыхъ мы такъ давно безуспѣшно добивались. Цайдамъ существуетъ, но это не озеро, а сухой солончакъ, куда и весною вода рѣдко доходитъ.

Въ урочищѣ Хоя нѣсколько семействъ монголовъ занимаются земледѣліемъ. Сѣютъ ячмень, который рѣдко хорошо родится, но, зато, когда урожай хорошъ, вслѣдствіе дождей и обильнаго выпаденія зимою снѣга въ горахъ, онъ доходитъ до самъ-20 — 30.

Почва вокругъ пашень буквально вездѣ изрыта норками грызуновъ и ввиду хотя зимней, но теплой погоды можно было иногда видѣть ихъ перескакивающими изъ норы въ нору. Такъ какъ мнѣ нужно было заниматься вычерчиваніемъ съемки, мнѣ некогда было заняться ихъ ловлей; поэтому я призвалъ мѣстнаго монгола, юрта котораго была недалеко отъ нашей стоянки и „предписалъ“ ему добыть во что бы то ни стало этихъ звѣрьковъ. Къ удивленію моему „предписаніе“ подѣйствовало: монголь долго размышлялъ, отговаривался неумѣніемъ, затѣмъ вышелъ изъ юрты. Изъ любопытства я приказалъ казаку наблюдать, что онъ будетъ дѣлать. Монголь сходилъ къ своему табуну, привелъ трехъ или четырехъ лошадей, повелъ ихъ за собою на изрытое норками мѣсто и сталъ водить ихъ взадъ и впередъ. На вопросъ казака, что онъ за глупости дѣлаетъ, монголь отвѣтилъ, что единственный способъ, который онъ могъ придумать, чтобы поймать мышей, это задавить ихъ въ норѣ копытами лошадей. Часа черезъ два, этотъ удивительный способъ ловли далъ результатъ: монголь вернулся съ тремя звѣрьками и получилъ хорошій подарокъ за изобрѣтательность и терпѣніе. Изъ звѣрьковъ, два, называемые монголами оготунъ, оказались очень интересными. Впослѣдствіи К. А. Сатунинъ, занимающійся описаніемъ нашихъ коллекцій млекопитающихъ, описалъ эту песчанку (самецъ и самка), какъ